

ПРИЦАК О. И.

ТЮРКО-СЛАВЯНСКОЕ ДВУЯЗЫЧНОЕ ГРАФФИТИ XI СТОЛЕТИЯ ИЗ СОБОРА СВ. СОФИИ В КИЕВЕ*

I. Граффити 153

Среди 292 средневековых и более поздних граффити собора св. Софии в Киеве имеется странное граффити (№ 153)¹, о котором его издатель С. А. Высоцкий сказал: «довольно загадочная надпись»².

Это граффити, нанесенное на фреску св. Онуфрия, находится в южной наружной галерее (первый этаж)³. Надпись выполнена двойной линией, напоминающей некоторые тексты, датированные второй половиной XI в., как в Изборнике Святослава 1073 г., Архангельском евангелии 1092 г. ([3, с. 374, 375, 377]; см. также [2, с. 63]). Надпись состоит из четырех строк, первая из которых неразборчива:

1. МЦ]...ф...
2. ⁴ ТѢТЪЮШЪ ПОПИНЪ БѢЛОВѢЖЬСЪ
3. КЫЙ ∞ ⁵ БАКАЧУАСИИВАНЪ ЧЮРАБЫБО
4. ЖИС АЛЪТИ АЛЪТИ АЛЪБАБУ ∞

Высоцкий справедливо полагает, что знак ∞ делит надпись на две части [2, с. 64]^{1*}.

По непонятным причинам издатель не дает чтения или перевода первой части. Он объясняет только отдельные слова: *тятъ* — возможно, *втятъ* — глагольная форма от *тати* «рубить, сечь, зарубить, рассекать»; *кюшъ* — личное имя; *попинъ* — «епископ, возведенный в это звание из попов»; *бѣловѣжський* — «из города Белая Вежа». «Итак,— пишет Высоцкий,—

* Статья профессора Гарвардского университета О. И. Прицака (см. его автобиографию: *Apologia pro vita sua* // *Journal of Turkish studies. Türklük bilgisi araştırmaları*. 1978. V. 2. P. IX—XVIII), видного специалиста по алтайской филологии, истории Киевской Руси и русо-половецких отношений, была опубликована в 1982 г. (см.: *Pritsak O. An eleventh-century Turkic bilingual (Turko-Slavic) graffito from the St. Sophia Cathedral in Kiev* // *Harvard Ukrainian studies*. June, 1982. V. VI. № 2. P. 152—166). Она предлагается русскому читателю в переводе акад. АН СССР

[А. Н. Кононова] с некоторыми сокращениями, касающимися главным образом ссылок на общеизвестную специальную литературу. Примечания переводчика (ссылки на них обозначены в тексте статьи цифрами со звездочкой) и его послесловие (а также литература к ним) следуют после статьи О. И. Прицака. Труды иностранных авторов, имеющиеся в русском переводе, цитируются по русскому изданию (*Примеч. ред.*).

¹ Корпус граффити Софии Киевской опубликовал С. А. Высоцкий [1, 2].

² Фотографию и графическое воспроизведение граффити № 153 см. [2, с. 330—331 (фото LX — LXI)]; комментарий Высоцкого [2, с. 63—67] (на с. 64 отмечается, что в граффити имеются непонятные слова: *бака*, *вябу*, *кю*).

³ План 1-го этажа Софии Киевской см. в [2, с. 132].

⁴ Монограмма, которую Высоцкий предварительно интерпретирует как замену кириллической буквы В. См. [2, с. 64].

⁵ В некоторых рукописях времен Древней Руси этот знак обозначает паузу; см. [3].

в первой половине надписи речь идет об убитом „попинѣ“ по имени *Кюшъ (?)*» [2, с. 64] ⁶.

Высоцкий читает вторую часть надписи так: *бякя чу, а си Иванъ чю рабы божие ялъ, ти ялъ, ти ялъ вябу* [2, с. 66].

Он объясняет отдельные слова следующим образом: *бякя* — вероятно, ругательство [«плохой, дурной» человек] ⁷; *чю* и *чу* — вероятно, императив от *чоути* «чувствовать, ощущать, слышать, знать, сознавать»; *си* — указательное местоимение «этот» ⁸; *ял* (*лъ*) — прошедшее время от глагола *яти* «взять, брать, схватить» ^{4*}; *вябу* — возможно, производное от глагола *вабити* «приманивать».

Основываясь на своем переводе, Высоцкий дает следующую интерпретацию граффити-надписи: «Первая его половина имела все составные элементы обычной поминальной надписи: сокращенную дату события и имя убитого. Кюшъ, вероятно, имя какой-то церковной особы, названной „попинъ Беловежский“. Вторая половина надписи совершенно необычна. Это приписка о каких-то трагических событиях, в результате которых погиб „попинъ“, а „рабы божие“ были взяты с помощью обмана „сим Иваном“, названным автором „бякой“. Конец надписи — это какое-то магическое заклинание или покаяние, в котором трижды повторяется слово „взял“. Скорее всего автор надписи обвиняет Ивана в проступке перед богом и св. Онуфрием» [2, с. 67].

II. Лингвистический анализ

Богдан Струминский, не удовлетворенный объяснением Высоцкого, усматривает здесь тюркскую определительную конструкцию «изафет II»: /θ/ ÷ /sin/ ⁸: *бажа чуа-си*.⁹ Это предположение возбудило мой интерес к этому граффити. Вскоре я убедился, что предположение д-ра Струминского о том, что надпись содержит тюркские элементы, обосновано.

В этом кратком тексте обнаруживается восемь тюркских слов и/или предложений. Распределение славянских и тюркских элементов примечательно, так как представляет собой древнюю передачу религиозного (христианского) текста, в котором тюркские элементы составляют главную сущность текста.

Перейдем теперь к детальному рассмотрению тюркских элементов.

1—2. *ТАТЪКЮШЪ*. На мой взгляд, это типично тюркская конструкция, обозначающая личное имя попина. Она состоит из двух элементов: *татък* + *кюшъ*. Буква *к* относится как к конечному согласному в слове *татък*, так и к начальному согласному в слове *кюшъ*. Эта ее двойственная функция характерна для древнетюркского языка ^{6*}, не терпящего удвоенных согласных (в данном случае *кк*), см. [8].

ТАТЪК < тюрк. *tätük* «сообразительный, понятливый, сметливый». Это слово (и личное имя) широко известно из древнеуйгурских и средневековых тюркских текстов (Кашгар, Qutadû Bilig, Codex Cumanicus, чагатайская придворная литература) ⁹. Это слово использовалось в ка-

⁶ В Киевской Руси в XI—XII вв. термин *попинъ* (в противоположность термину *попъ*), возможно, употреблялся для обозначения высшего духовенства не из монахов, а из белого духовенства, из которого часто избирались епископы; см. [4] ^{2*}.

⁷ В современном русском языке *бяка* — слово из детского языка; см. [5].

⁸ О тюркской конструкции «изафет II» см. [6, с. 411—413; 7] ^{5*}.

⁹ Существуют две формы этого имени: *tätük* и *tätüg*; см. [9, с. 476; 10, с. 455; 11, с. 556].

честве имени половецкого вождя (1185 г.): *Tkmuŭ — Tctij*¹⁰ [12, кн. 396]. Караханидское *tādūk* и чагатайское *täyik ~ tätük* наводят на мысль, что здесь мы имеем причастную форму на *-duk* от глагола **tät-: *tät-dük > tätük > tätik ~ tādūk* (ср.: Qutadγu Billig, Codex Cumanicus турецк. *tetik*). Это слово встречается в составе личного имени *tetik Salomon* (Codex Cumanicus) «мудрый Соломон» [14].

Буква *-ю-* в слове *кюшъ* указывает, что это слово с переднерядным слоговым вокализмом. Можно допустить, что *-иъ* — рефлекс конечного *-č*, которое в старых (предосманских) текстах в арабской графике передавалось буквой /š/ вм. /č/; фонемы /č/ в арабском языке нет [15]. Представляется маловероятным, что *-иъ* является отражением «казахского» развития *-č > -š*¹¹.

Слово *küč* «сила» широко, начиная с древнетюркских и древнеуйгурских текстов, используется в качестве личного имени: *Küč Kül, Küč Temür, Qilič Küč* (см., например [9, с. 306; 10, с. 693]). Это слово встречается также на Руси (1147 г.) как первый компонент названия половецкого рода¹².

3. БАКА Буква *а* в слове *бака* используется вместо двух широких гласных переднего ряда: палатального /ä/ и лабиального /ö/. Следовательно, *бака* воспроизводит тюркское *bökä* «герой, силач, богатырь», которое как личное имя встречается в Словаре Махмуда Кашгарского (XI в.): *Bökä Buğrač* [19]¹³. Слово *Bökä* также содержится в названии половецкого рода, упоминаемого в Ипатьевской летописи под 1180 г. [18, кн. 623]¹⁴.

4. ЧУАСИ. Это слово можно разложить на *чуа* + посессивный аффикс («артикль») /sin/)^{10*}. Примечательно, что здесь передний гласный /i/ в славянском воспроизведении передается через *и*, но не через *ы*; *чуа* стоит вместо **čöya [čöha]*. Не было славянского обозначения для глоттального спиранта /h/¹⁵, являвшегося аллофоном увулярного спиранта /ɣ/, для которого в славянском употреблялась буква *г* (*g*) (ср. ниже *чага*); вследствие этого согласный /h/ был опущен.

Этимон тюркского *сöya* «ребенок», вероятно, сопоставим с другим тюркским словом *čäya* «младенец».

Слово *čöya* засвидетельствовано в чагатайском ([22, 23^{11*}]; *чога* «щенок хищных зверей») и турецких диалектах [24, с. 995^{12*}]; форма *čäya*

¹⁰ Эту типично половецкую (кыпчакскую) форму с превращением *-üg > -ij* распознал А. Зайончковский [13, с. 35]^{7*}.

¹¹ Я предлагаю взамен этого следующую гипотезу: тюркское обозначение для *попинъ*, вероятно, начиналось буквой *k/q*, весьма возможно, что это было слово *qoǰa* («господин» < перс. яз.), как в Codex Cumanicus (= *dominus*); см. [16]. В таком случае, *čq-* в словосочетании **küč qoǰa* появилось автоматически в результате сандхи (*-čq-: küšqoǰa*), так как *č* перед *k/q* и *t* превращается в *š* [17, с. 138—140]. Это слово, стоящее перед словом *попинъ*, могло быть субститутом слова *qoǰa*; следовательно: **küš-qoǰa = küš-popinъ*^{8*}.

¹² В Ипатьевской летописи [18, кн. 342]: *Сюдимира Коучебича*. Родовое имя **Коучебич* — в действительности племенное название; *čба* — древнерусская репрезентация половецкого *оба* «род, племя»; *коуч-* < *küč* обсуждалось выше (прим. 11).

¹³ О *bökä* см. [9, с. 83; 10, с. 324; 20]^{9*}.

¹⁴ Это имя встречается также в форме аккузива: *бакобоу*. Здесь **-оба* — половецкое слово, обозначающее «род, племя»; см. [13, с. 38—40]. Первый компонент этого сложного слова — **бака*, в котором конечное *-а* изменяется под влиянием начального гласного *о* (*о-ба*). По поводу этой синкопы см., например, турецк. *ne ükün > niün* «почему», кирг. *kara at > karat* «черная лошадь»; см. также [17, с. 43—46].

¹⁵ О тюркском глоттальном спиранте /h/ см. [6, с. 30—31]. Я не склонен предполагать здесь северо-западный (карачаево-балкарский) пример развития (*-oɣa > -u'a/-ua-*); см. [21].

известна в чагатайском, туркменском и во всех турецких диалектах [9, с. 92, 113] (под словом *čoŭuk*) [24, с. 1033].

В «Сокровенном сказании монголов» имеется слово *čaŭa* «ребенок» [25, § 68]. В «Слове о полку Игореве» встречается слово *чага* в значении «девушка-невольница» [26].

Начертание *чуа* отражает оригинальное **čōha*; слав. /u/ было избрано для изображения тюркского полузакрытого /ō/, так как слав. /o/ — полуоткрытое; ср. также *čor*, написанное как *чюр* (см. дальше). В нашем граффити слово *čō/h/a-si* в значении «его сын» заменило обычно слово *oŭul* (*oŭl-i*) [27, с. 309].

5. ЧЮР. Подобно тому как упрощение геминаты *-k* (*Tātŭ-k*) + *k* (*Küč*) (т. е. два одинаковых согласных) дало одно *-k*, так и два *r* (*čor-r* + *r-aby*) превращается в одно *r* (слав. *p*).

*Čor*¹⁶ (или *čor-in*¹⁷) — тюркский титул военачальника. Это слово известно из древнетюркских памятников (например, *Kül Čor*, *Tadiq Čor*, *Tarduš Inanču Čor*), см. [10, с. 427—428] и [11, с. 157] (под словом *čur*)^{13*}. *Čor* встречается у Константина Багрянородного (ок. 948 г.) как высокий печенегский титул [31]. Титул *čor* (а также *čorin*) встречается в двух топонимических названиях поросских черных клобуков (1190 г.)¹⁸. В позднее время в старорусском языке этот титул обнаруживается в Никоновской летописи (под 1526 г.); любопытно, что, как и в нашем граффити, он пишется с буквой ю: *чюра* [35]. По происхождению это слово, вероятно, соответствовало встречающемуся в киргизском эпосе слову *čoro* (<*čōra*) «ближайший сподвижник эпического богатыря» [36, с. 868].

6. АЛТЫ. Здесь, как и в случае с гласным первого слога в слове *бака*, буква *а* передает /ō/. Это тюркское слово *ölti* «он умер» < *öl* «умирать» [10, с. 125—126]. Примечательно, что *-d* в начале аффикса прошедшего-категорического времени /di/ следует развитию, известному по древнетюркским надписям, в которых /d/ перед /r, l, n/ превращается в /t/ [37]. Повторение формы *ölti* понятно: поскольку в граффити названы два лица (каждое в отдельной части надписи), выражение «он умер» повторяется дважды.

7. АЛБЫ. Наличие этого слова в граффити представляет особый интерес для тюркологии. Единственная соответствующая форма известна мне из Словаря В. В. Радлова, где указано телеутское слово *älbi*, представляющее северо-восточную территорию тюркского мира

¹⁶ Как показывает транскрипция тибетских и хотанских текстов, гласный в этом слове был /ō/; см. [28; 10, с. 427—428].

¹⁷ Зарегистрировано у Наршахи [29] *qara čörin* как титул члена древнетюркской династии. О суф. *-in* см. [30].

¹⁸ Но Ипатьевской летописи, два города, по-видимому, названные по именам соответствующих военных вождей, были расположены в бассейне реки Рось (к югу от Киева), где киевские князья поселяли военных колонистов черных клобуков, которых обычно избирали из среды союзных торков. Первый город — *Кульдюрево* [18, кн. 672], название которого является очевидной славянской деривацией (*-ev-ol-ov-o*) от хорошо известного тюркского титула *Kül čor*; *-дю* (вм. *-ю*) указывает в данном случае на сочетание *l — č*, развившееся (под влиянием сандхи) в *-lč-*. О деривации *-ev-ol-ov-o* см. [32]. Второй город назывался *Чюрнаевъ* [18, кн. 669]; название состоит из славянского суф. (*-ev-ъ*, см. выше) и тюркского элемента, основой которого является *čorin* (вариант от *čor*, о котором сказано выше) и «вокативный» элемент / *a* / ∞ / *a* /; см. [33, с. 154, 343]. О выпадении среднего слога (Mittelsilbenschwund) см. [33, с. 43—44, 47]: * *čörinaj* > *čörnaj*^{14*}.

О локализации этих двух городов см. [34, с. 215, 12]. Существование и использование титула *čor* ∞ *čorin* среди черных клобуков имеет важное значение для интерпретации нашей киевской билингвы, в которой также используется титул *čor*.

(см. Послесловие автора). По Радлову, это слово значит: «сила, которая действует в лекарстве, в молитве» [38]. Однако это слово и его значение лучше документированы в монгольском языке. В «Сокровенном сказании монголов» имеется слово *elbesün* (/sün/ — аффикс помен unitatis), которое в китайском языке переводится *ch'i-tao* «молящийся» [25, § 174]. От основы **elbe-n* в монгольском языке был создан глагол *elberi-(elbe-ri-)* «оказывать уважение или почтение родителям или старшим по возрасту»¹⁹, который известен также и в современном монгольском; позднее от этой основы произошло имя *elberil* «благоговение, почтение, уважение» (в кит. *hsiao*) [41]. На этой основе, что вполне возможно, образовалось в древне- и среднетюркском слово **älbä* «(сыновняя) почтительность, поминовение»^{15*}.

8. БУ. Общетюркское указательное местоимение «это(т)» употребляется как коцула-связка, особенно в древних поминальных надписях поволжских татар: *ziyaräti bu* «это есть памятный камень» [27, с. 309].

III. Тюркские элементы граффити

Теперь представляется возможным установить текст и перевод надписи киевской билингов (тюркские слова и фразы выделены курсивом).

<i>Tätük</i> [K]äč ropinъ	Тетюк Кюч, старший священник
<i>bëlovëz</i> 's''kyj,	(<i>попинъ</i>) Белой Вежи, [и]
<i>Bökä Čö[h]asi Ivan Čor,</i>	[сын Бока, Иван Чор,
<i>[ra]by božije</i>	рабы божие,
<i>ölti, ölti</i>	умер [и] умер [т. е. оба умерли].
<i>älbä bu.</i>	Это — [их] (сыновняя) почтительность ^{16*} .

Теперь мы рассмотрим это граффити с позиций тюркологии.

Графические особенности

1. Славянская кириллица не была достаточно хорошо приспособлена для передачи тюркского вокализма, в силу чего в некоторых случаях одна славянская буква используется для двух тюркских фонем; их соответствия следующие:

- (а) *а* = *ä*: *альба* — *älbä*, *татък* — *tätük*, *бака* — *bökä*;
а = *ö*: *альти* — *ölti*, *бака* — *bökä*²⁰;
- (б) *у* = *u*: *бу* — *bu*;
у (ю) = *ö*: *чуа* = *čö[h]a*, *чюр* — *čör*;
- (в) *ь* = *ä*: *татък* — *tätük*; ср.: Търк- < *Türk* (търкы [12, клн. 204])
ь = знак слогаделения: *альба* — *äl-bä*, *альти* — *öl-ti*;
- (г) *ю* = *ü*: *кюшъ* — *küč*;
ю = *o* (после *č*)²¹: *чюр* — *čör*.

Остальные случаи не содержат ничего примечательного:

А = *a*: *чуа* — *čö[h]a*

¹⁹ Исходной формой этого монгольского слова, по всей вероятности, является отглагольное имя *на* /n/: * *elbe-n*; см. [39]. Суффиксы /n, d, r/ исчезли перед суффиксом помен unitatis /sün/; см. [40].

²⁰ Нет никакого основания предполагать здесь более позднее галицко-караимское развитие: *ä, ö > ä*; об этом см. [42]^{17*}.

²¹ Фонема /č/ в старославянском была палатальной; см. [43].

и = *i*: алты. *öl̥ti*, чуаси — *čō[h]asi*. Как отмечалось выше, язык графити имеет только одно *i*: палатальная оппозиция (передний — задний) делябиализованных гласных не имеет места.

2. В консонантном составе отметим следующие четыре случая: (а) превращение конечного *-č* (в «арабском» написании) в *-шъ*: кюшъ — *küč*; (б) маркирование морфонетической границы посредством «твердого» знака (ъ): альба — *äl-bä*; алты — *öl-ti*²²; (в) отсутствие глоттального спиранта [h]: чуаси < *čō[h]asi*; (г) упразднение геминат в древнетюркских формах: татъкюшъ < *Tätük-küč*; чюрабы < *čōr + ra*бы.

Фонология

1. Общая характеристика

(а) Засвидетельствованный состав гласных:

Первый (коренной) слог	Непервый слог
<i>ü u</i>	<i>i ü</i>
<i>ö o</i>	
<i>ä</i>	<i>ä a</i>

(б) Засвидетельствованный состав согласных:

Отдельные согласные	Группа согласных
<i>k t č s</i>	
<i>b</i>	
<i>ɾ l</i>	<i>lb lt</i>
<i>h</i> (глоттальный спирент)	

2. Анлаут:

(а) Гласные:

ä: альба — *äl**b**ä*

ö: алты — *öl̥ti*

(б) Согласные

b: бака — *bökä*, бу — *bu*

k: кюшъ — *küč*

t: татък — *tätük*

č: чуа — *čō[h]a*, чюр — *čōr*

3. Инлаут:

(а) Гласные

ä: татък — *tätük*

ö: чуа — *čō[h]a*, чюр — *čōr*

ö: бака — *bökä*

u: бу — *bu*

ü: кюшъ — *küč*

(б) Отдельные согласные

k: бака — *bökä*

t: татък — *tätük*

[h]: чуа — *čō[h]a*

(в) Группа согласных

lb: альба — *äl**b**ä*

lt: алты — *öl̥ti*

4. Ауслаут (основы):

(а) Гласные

a: чуа — *čō[h]a*

ä: альба — *äl**b**ä*,

бака — *bökä*

(б) Согласные

k: татък — *tätük*

č: кюшъ — *küč*

l: аль — *öl̥-*

r: чюр — *čōr*

Морфология

(а) Аффиксы:

1. Аффикс принадлежности 3-го лица /sin/: чуаси — *čō[h]a-si*;

2. Аффикс прошедшего-категорического времени 3-го лица /di/: алты — *öl̥-ti*;

(б) Указательное местоимение: бу — *bu* в функции связки (копюлы).

²² О структуре древнетюркской сллабической системы см. [44].

1. Формула *čō[h]a-si* в качестве субститута обычного слова *oγl-i* «сын такого-то»;
2. Лексический гапакс: *älbä* в значении «(сыновняя) почтительность, поминовение».

Заключение

Несмотря на то, что тюркский материал киевской билингвы ограничивается шестью именами существительными (*älbä*, *bökä*, *čō[h]a*, *čör*, *küč*, *tätük*), одним местоимением (*bu*), одним глагольным корнем (*öl-*), одним аффиксом принадлежности /sin/ и одной глагольной формой /di/(*öl-ti*), тем не менее имеются достаточно солидные основания определить данный язык как *lingua franca* торков, черных клобуков XI—XII вв. Ему определено присущи черты языков юго-западной группы (туркменский, огузский). Не только все эти имена существительные сохранились наилучшим образом в живых огузских языках, но они встречаются в весьма сходных, часто едва ли не в более древних фонетических формах (*k-*, *t-*; *-k-*, *-t-*). С другой стороны, по крайней мере три изоглоссы объединяют язык граффити с древнетюркским языком: (а) наличие только одной гласной фонемы /i/ ²³; (б), последовательность, гласных *ä — ü*: *tätük*; (в) изменение начального согласного афф. /di/ после /l/: **l-d > lt*.

Этот язык никоим образом нельзя связывать с половецким (кыпчакским) языком, что ясно проявляется в различии форм слова «сообразительный, понятливый»: в киевском граффити *татък* — *tätük*, а в половецком языке на Руси (1185 г.) *тѣтй* — *tětij*.

IV. Дата и происхождение граффити

Нечеткая первая строка граффити, по-видимому, содержала дату надписи. Высоцкий предположил, что начальным словом являлось М [ца] «месяца» и что следующее слово было названием определенного месяца, который может быть или июнем или июлем — исходя из свободного промежутка в строке [2, с. 64]. Поскольку следующей различимой буквой является Ф, которая имеет числовое значение «500», можно предположить, что в ней кроется указание на шестое столетие седьмого тысячелетия Anno mundi, которое начинается 1 сентября 992 гн. э. и кончается 31 августа 1092 н. э. Так как собор св. Софии был, по-видимому, построен между 1037 и 1046 гг. (см. [45, 46]; ср. также [2, с. 240—257]), то дата граффити может быть отнесена к периоду между 1046 и 1092 гг., наиболее вероятно — к концу нижней даты, т. е. к 80-м или 90-м годам XI в. Итак, из этого следует, что обобщенная дата Высоцкого «XII столетие» [2, с. 38] должна быть отодвинута на несколько десятилетий назад. Вопреки предположению Высоцкого, граффити не сообщает подробных обстоятельств, при которых умерли Тетюк Кюч и Иван Чор, нет указаний на то, явилось ли это следствием злодеяния или они умерли в одно и то же время.

Два города с названием Белая Вежа известны из древнерусских источников ²⁴. Первый из них, торговый центр Хазарии, Саркел на Дону,

²³ В граффити не используется славянская буква ѡ, пишется и: *чуаси*.

²⁴ Я не вижу достаточных оснований допускать существование третьего города Белой Вежи в Переяславском княжестве, как полагают многие ученые, разделяющие точку зрения Н. Барсова. См. [34, с. 18; 47; 48, с. 320, 348; 49; 2, с. 65—66]. Недавнее топографическое исследование Переяславского княжества не упоминает о Белой Веже в Переяславле [50].

был разрушен Святославом в 965 г. [51, с. 47]; о Саркеле см. [52]). Второй, который в некоторых источниках называется также «Старая» Белая Вежа, локализуется на южной границе Черниговского княжества, недалеко от верховья р. Острь [53, 54]. Владимир Мономах в «Поучении» упоминает его в связи с событиями 1085 г. [51, с. 160]. Есть основание предполагать, что Тетюк Кюч был попином черниговской Белой Вежи. Подобно Острьскому городку (на р. Острь), Белая Вежа могла быть крепостью династии Всеволода на юге. В 1149 г. Юрий Долгорукий оставался там целый месяц в ожидании поддержки со стороны половцев перед тем как он атаковал Переяславль [48, с. 157—172]. Тетюк Кюч и Иван Чор, сын Бока, по-видимому, принадлежали к верхушке черных клобуков — тюркских наемников, служивших у киевских князей и даже принимавших христианство²⁵. Если наша хронологическая гипотеза правильна, их сюзереном был Всеволод Ярославич, отец Мономаха, который между 1078 и 1093 гг.²⁶ правил всей Русью и, в особенности, землями Киева, Чернигова и Переяславля. Это правдоподобно объясняет включение попина из черниговской Белой Вежи в граффити на стене киевского собора св. Софии.

Надпись была изготовлена профессиональным писцом в выражениях сыновней почтительности (тюрк. *ālbā* = кит. *hsiao*.) Можно думать поэтому, что попинъ Тетюк Кюч и обладатель высокого военного звания (чор) Иван были братьями. По-видимому, они были убиты в одно время, и надпись в их память была высечена по заказу сына Ивана (это единственная возможность, так как попинъ не мог быть женатым). Вероятно, он стал священником, как и его дядя, и был связан с духовенством церкви св. Софии, благодаря чему получил доступ к этой церкви и/или возможность выполнить надпись столь профессионально.

Как указано выше, Владимир Мономах упомянул Белую Вежу в связи с событиями 1085 г. Он пишет о достопамятном столкновении так: «И заутра, на Госпожинъ день, идохом [от берегов р. Сулы— П. О.] к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая Богородица: избихом 900 половець, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста» [51, с. 160]. Мы можем с полным основанием предположить, что во время такой важной битвы некоторое количество русских воинов тоже было убито. Если среди воинов были черные клобуки, могли быть убиты два их вождя. Гибель чора и попина, принадлежавших к черным клобукам, несомненно, была достойна увековечения в соборе Софии Киевской. Родословная лиц, имеющих отношение к черным клобукам, предположительно может быть представлена следующим образом:

Бока

Тетюк Кюч, попинъ
ум. ок. 1085 г.

Иван Чор
ум. ок. 1085 г.

неизвестный (лицо, высекшее
или заказавшее граффити № 153).

²⁵ О черных клобуках см. [55—58].

²⁶ Эта дата подтверждается также налеографией: ок. 1073—1092 гг.; см. выше, в начале статьи.

Граффити № 153 из собора св. Софии Киевской имеет значение для истории Восточной Европы как единственная известная надпись в честь черных клобуков Великокняжеской Руси. Ее значение для филологии и истории культуры состоит в том, что она является единственной тюркско-славянской двуязычной надписью средневековья.

С английского перевел, примечаниями и послесловием снабдил Кононов А. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Висоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.
2. *Висоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
3. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 224, 374, 375, 377.
4. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 324—325.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 261.
6. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
7. *Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957. С. 30—43.
8. *Pritsak O.* Das Alttürkische // Handbuch der Orientalistik. Ser. I. Bd. 5. Tl. 1. 2-e Aufl. Leiden — Köln, 1982. S. 33.
9. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. V. 1. Helsinki, 1969.
10. *Clauson G.* An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1969.
11. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
12. Лаврентьевская летопись / Изд. Карский Е. Ф. // ПСРЛ. 2-е изд. Т. I. Л., 1927.
13. *Zajaczkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.
14. *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. København, 1942. S. 243.
15. *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Itaka, N. Y., 1982. P. 128.
16. *Grønbech K.* Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX. In faksimile. København, 1936. Fol. 45v. L. 17.
17. *Рясяня М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
18. Ипатьевская летопись / Изд. Шахматов А. А. // ПСРЛ. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1908.
19. *Kašgarî.* Diwan luğat at-Turk / Ed. Atalay B. Ankara, 1941. P. 545. L. 15.
20. *Севертман Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. II. М., 1978. С. 211—212.
21. *Pritsak O.* Das Karatschaische und Balkarische // Philologiae Turcicae Fundamenta. V. I. Wiesbaden, 1959. S. 351.
22. *Будазов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869. С. 495.
23. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. Кн. 2012.
24. *Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü.* III. Ankara, 1968.
25. *Yüan-ch'ao pi-shi* / Ed. Ye Teh-hui. Peking, 1908.
26. *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 170.
27. *Pritsak O.* Bolgaro-Tschuwaschica // UAJb. 1959. Bd. 31.
28. *Bailey H.* Turks in Khotanes texts // JRAS. 1939. P. 91.
29. *Naršaxî.* Ta'rix-i Buxāra / Ed. Redawî. Teherān, 1939. S. 6.
30. *Pritsak O.* Tschuwaschische Pluralsuffixe // Studia Altaica. Festschrift für N. Poppe. Wiesbaden, 1957. S. 148—149.
31. *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Ed. Moravcsik Gy. Bp., 1949. P. 166, 168.
32. *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde / Ed. Bräuer H. Bd. I. Berlin, 1971. S. 353—354.
33. *Gabain A. v.* Alttürkische Grammatik. 2-e Aufl. Leipzig, 1950.
34. *Барсов И.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильно, 1865.

35. Никоновская летопись / Изд. Платонов С. Ф. // ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904 (переиздано: М., 1965). С. 45 (et passim).
36. Юдагин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
37. Pritsak O. Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen // UAJb. 1961. Bd. 33. № 1—2. S. 142—145.
38. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893. Кн. 831—832.
39. Szabó T. M. A Kalmük szóképzés. Bp., 1943. P. 45. § 110.
40. Pritsak O. Mongolisch *yisün* «neun» und *yiren* «neunzig» // UAJb. 1954. Bd. 26, № 3—4. S. 243—245.
41. Lessing F. Mongolian-English dictionary. Berkeley — Los Angeles, 1960. P. 307.
42. Pritsak O. Das Karaimische // Philologiae Turcicae Fundamenta. V. I. Wiesbaden, 1959. P. 327.
43. Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954. S. 78.
44. Pritsak O. Turkology and the comparative study of Altaic languages: the system of the Old Turkic runic script // Journal of Turkish studies. V. 4. Cambridge (Mass., USA), 1980. P. 84—87.
45. Donne A. Заснування Софії Київської // Український історичний журнал. 1965. № 9. С. 97—104.
46. Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 50—68.
47. Барсов Н. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873. С. 142.
48. Грушевський М. Історія України-Руси. 2-е вид. Т. 2. Львів, 1905.
49. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 221.
50. Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. Изд. Бескровный Л. Г. М., 1975.
51. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод / Подгот. текста Лихачева Д. С. Перевод Лихачева Д. С. и Романова Б. А. М.—Л., 1950.
52. Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 48—70.
53. Книга Большому чертежу / Изд. Сербина К. Н. М.—Л., 1950. С. 103, 107—109.
54. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 80, 124.
55. Голубовский П. В. Об узлах и торках // ЖМНП. 1884, июль.
56. Расовский Д. А. О роли черных клобуков в истории Древней Руси // Seminarius Kondakovianum. V. I. Prague, 1927. С. 93—109.
57. Расовский Д. А. Русь, черные клобуки и половцы в XII в. // Известия на Българското историческо дружество. 1940. Т. 16—18. С. 369—378.
58. Плетнева С. А. Кочевники восточноевропейских степей в X—XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213—223.

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОСЛЕСЛОВИЕ

КОНОНОВА А. Н.

1*. Этот знак известен по памятникам книжной письменности, где он имеет значение точки [1, с. 64].

2*. «Этим термином,— пишет Высоцкий,— древнерусские источники называют выходцев из попов, выдвигавшихся на высшие церковные должности... Поиниъ в рассматриваемой надписи назван «беловежским», т. е. из города Белая Вежа. Следует заметить, что древнерусские письменные источники духовных особ обычно называют так: епископов — по местонахождению кафедры, игуменов — по названию монастыря, попов — по названию церкви... Следовательно, если в надписи на стене собора речь идет о духовной особе и если автор надписи придерживался того же принципа называть иерархов церкви, то название «беловежский» в сочетании с «поиниъ» должно указывать на епископа. Однако епископия под таким названием на Руси не известна» [1, с. 65].

3*. *Си* — не указательное местоимение, а тюркский аффикс принадлежности 3-го лица; см. анализ слова *чуаши*.

4*. В двух случаях это слово употреблено в сочетании с *ти* — указательной или усилительной частицей. В одном случае *ти* было пропущено и затем вписано над строкой [1, с. 67].

5*. Афф. *-sin* состоит из двух элементов: *-si* (афф. принадлежности 3-го лица) + *-n* (афф. вин. падежа), которого в тексте граффити нет.

6*. Не только для древнетюркского, но и современных тюркских языков.

7*. Не связано ли с этим именем название города *Тетиев* (Киевск. обл.)?

8*. Совершенно нет никакой необходимости в этом сложном построении: *Юушъ*.

закономерно выводится из тюрк. *kış~kay* «сила» [2, с. 322—323], вполне пригодного, как справедливо сказано у Прицака, для личного имени.

9*. См. также [2, с. 117; 3, с. 127—128; 4, с. 62, 64, 65, 132, 133, 135].

10*. Решительно нет никаких оснований приводить этот аффикс в форме вин. падежа *-си + и*, когда в тексте это слово стоит в им. падеже: *ча-си*.

11*. Ср.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. Кн. 1842—1843: *чаба* 1) «маленький мальчик, ребенок»; 2) «цыпленок, птенец»; 3) «медвежонок»; 4) «ребенок»; 5) чагатайск. «дитя; цыпленок»; 6) в половецком и отсюда в древнерусском языке это слово значило «девушка-невольница».

12*. Неверно указана страшица, должна быть с. 1033, под словом *çağa* «bebek, *čobuk*».

13*. См. также [6; 4, с. 50—52, 148—149].

14*. Чем же в данном случае объясняется наличие «вокативного» элемента (*a ∞ aj*) в составе титула *čorin-a/-aj*? Возможно, *Чюрнаев* — название города — возникло из **Чюрин-а-евъ*-, подсознательно связанное со словом *черный*.

15*. Это, пожалуй, самое сомнительное объяснение из всей надписи. Ни в одном из тюркских словарей (за исключением Словаря Радлова, который дает форму *älbi* [5, кн. 831—832] не зафиксировано этого слова.

16*. Номинальная надпись может читаться так: «Тетюк-Кюч, попинъ Беловежский, и Иван Чор, сын Бока, рабы божие, — умерли; эта [надпись] — их поминавшие».

17*. Чередование гласных *ä ~ ö* в тюркских языках давно установлено [7, 8], а потому нет ничего особенного в том, что автор надписи использовал для передачи этих двух гласных одну букву.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как могло случиться, что в наиболее почитаемом храме Киева — в соборе св. Софии — среди многочисленных славянских надписей появилась двуязычная — тюрко-славянская номинальная надпись? Возможно ли это? Да, вполне возможно, и вот почему!

В русских летошях имеются многочисленные сведения о взаимодействии — расприх и союзах — русов и тюрков, которые предстают то как злейшие враги, то как добрые союзники.

«У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира бе [с печенегами]... рать велики бесперестани» [9, с. 3; 3, с. 60—78; 4, с. 92—98].

В «Повести временных лет» описываются те же печенеги совершенно в ином качестве: «В лето 6423 (= 915). Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю. и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю» [10, с. 31]. В 944 г. печенеги как наемное войско принимают участие в походе русов на Византию [10, с. 230]. В 969 г. арабский историк Ибн Хаукаль писал о печенегах как союзниках Руси [11].

В «Повести временных лет» под 985 г. впервые упоминаются торки, входившие в состав Владимировой войска в качестве его конницы [10, с. 257].

В X в. устанавливаются тесные взаимоотношения русов с волжскими булгарами.

Торки и другое большое тюркское племя — берендеи — оказывают Руси помощь в отражении печенегов; несколько позднее (XI — нач. XII в.) печенеги вместе с торками и берендеями под руководством русов отражают нападение могущественной конфедерации тюркских племен, известных в русских летошях под именем куманов, а чаще половцев; восточным народам они известны под этнонимом кыпчак, в византийских хрониках это — команы, в латинских — куманы или, реже, команы.

Половцы позднее вместе с русскими выступают против татар в битве на р. Калке (16.VI, 1223 г.).

В XI в. на Руси появляются поселения торков; первые достоверные сведения об этом приходится на 1080 г. [9, с. 10]; в 1097 г. упоминаются наряду с торками и первые поселения берендеев и печенегов [9, с. 11]. Все эти тюркоязычные племена (с середины XII в.) носили собирательное имя черных клобуков [9, с. 16] и позднее входили в состав Киевского государства и а права х его гражда н [12]. Торков и берендеев, защищавших южные границы Киевской Руси, русы называли «свои поганые», т. е. «свои язычники». В Ипатьевской летописи под 1159 г. указывается, что около Чернигова было семь городков — Моревнеск, Любеск, Оргоизъ, Всеволожь (позже с. Сиволожь) и др., в которых обитало смешанное русо-половецкое население.

Андрей Боголюбский, половчанин по матери, и другие владими́ро-суздальские князья охотно принимали и, более того, привлекали во владими́ро-суздальские земли тюрков из южной Руси. Под воздействием образа жизни русов и их социальной организации у тюркских племен шел активный процесс феодализации; они переходили к оседлому образу жизни.

«Можно считать установленным, — пишет С. А. Плетнева, — что кочевнические народы, входившие в Черняховский союз, в XII в. перешли к полукочевому и даже оседлому образу жизни» [13]; см. также [14, 15]. Тюрки, обитавшие среди русских, охотно брали себе в жены их дочерей, русские же сватали половецких девиц. Владимир, сын князя Игоря, возвращается в родные места из половецкого плена с женой Кончаковной, дочерью половецкого хана Кончака. Владимир Мономах, «добрый страдалец за Русскую землю», женил двух своих сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. — на половчанках [16]¹. Случаев родства русских князей с половецкими было много; так, например, Андрей Юрьевич Боголюбский, один из знаменитейших русских князей XII в., был по матери тюрком. Князь Галицкий Мстислав Удалой был зятем половецкого князя Котляна [17].

Подобного рода примеры можно без затруднений умножить: широко известно, что браки между русскими и тюрками (в XI—XIV вв. и позднее) имели широкое распространение.

Важным фактором сближения русских и тюрков, начиная (по крайней мере!) с первых десятилетий XII в., было распространение христианства среди тюрков. Русские летописи неоднократно отмечают христианизацию половцев [18].

О многосторонних общениях русов и тюрков свидетельствует глубокое и многочисленное проникновение в русский язык Киевской Руси тюркских заимствований, подтверждением чему является, в частности, памятник древнерусской светской литературы «Слово о полку Игореве» (1185 г.) [3, 4]. Имеются совершенно достоверные свидетельства о знании русами тюркских языков, в частности печенежского языка [10, с. 244—245].

О тесном многовековом общении русов и тюрков свидетельствует также наличие «восточных» мотивов в русском фольклоре (Вс. Ф. Миллер, В. В. Стасов и др.).

Все названные выше обстоятельства — военные союзы, совместные поселения, браки — в те далекие времена не следует представлять розовой идиллией, как не следует и представлять эти отношения между русскими и тюрками неизменно враждебными.

С полной очевидностью можно и должно утверждать, что взаимодействие восточных славян и тюрков оставило заметный след в языках, обычаях, культуре и тех и других.

В свете сказанного нет ничего чрезвычайного и необычного в том, что на стенах Софии Киевской нашлось место для поминовения двух почтенных лиц, которые, по видимому, происходили из черных клобуков и которые сохранили в христианстве — один — свое тюркское имя *попинъ* Тетюк Кюч, другой — тюркский титул Иван Чор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
4. *Баскаков Н. А.* Тюркские лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
5. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893.
6. *Копонов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII—IX вв. Л., 1980. С. 17—18.
7. *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882. S. 85.
8. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 57.
9. *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и беренды на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. IV. Prague, 1933.
10. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод / Подгот. текста Лихачева Д. С. Перевод Лихачева Д. С. и Романова Б. А. М.—Л., 1950.
11. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 108.
12. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 466.
13. *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е. 1—19. М., 1973. С. 25.
14. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
15. *Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. II. Wiesbaden, 1982. P. 321—380.
16. *Пархоменко В. А.* Следы половецкого зноса в летописях // Проблемы источниковедения. Вып. 3. М.—Л., 1940. С. 391.
17. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. С. 202.
18. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 308—309.

¹ Генезологию русских князей домонгольского периода (X—XIII вв.) с указанием на брачные связи русских князей с половецкими см. в [4] (приложение).

Очень сожалелю, что с переводом своей статьи я ознакомился уже после смерти моего уважаемого коллеги акад. А. Н. Кононова, и поэтому не имел возможности поделиться с ним своими соображениями по поводу его примечаний. Здесь я пользуюсь случаем, чтобы высказаться по поводу четырех его примечаний.

К 5*, 10*.

Здесь недоразумение. /sin/ это не суффикс, а морфемическая формула, указывающая на то, что суф. -*l-si* получает в косвенных падежах добавочное -*n*, например, турецк. *ev* «дом»: *ev-i* «его дом»; *baba* «отец»: *baba-si* «его отец»; но *ev-in-de* «в его доме», *baba-sin-da* «у его отца».

К 12*.

Страница действительно указана у меня неверно, но там должно быть не 1033, а 994 (в английском оригинале указана с. 995). Ссылка на [24, с. 1033] имеется и у меня; в английском оригинале с. 156, примеч. 25.

К 15*.

Читая перевод статьи, я вспомнил каракалпакский глагол *älbirä-* (ср. монг. *elbe-ri-*; примеч. 19) и сразу подобрал для него следующие параллели: каракалп. *älbirä-* «соучествовать кому-л.»; его производные: *älbirä-k* «сочувствующий; добродушный»; *älbirä-w* «сочувствие кому-л.»; *älbirä-t* «вызвать сочувствие» [59]. Это же слово засвидетельствовано в Толковом словаре казахского языка [60, с. 185]: *älbirä-aläirä-* [разомлеть, размякнуть (о сердце)], *säysin-* [любоваться, восхищаться], а также в киргизском языке *älbirä-* [36, с. 946], но там его вытеснила форма *äpildä-* [36, с. 957] «быть расторопным и любезным, услужливым»; см. там же производные: *äpildä-š*, *äpil-dä-š*, *äpildä-t*. Кроме того, в киргизском языке сохранилась более полная форма этого глагола (*älpildä-*), но только в сочетании *älpildäp-žälpildäp* «проявляя любезность, радушие (гл. обр. о женщине)» [36, с. 950]. Следовательно, слово *älbi*, до сих пор известное только по Словарю Радлова [61], получает теперь свою семью: каракалп., казах., киргиз. *älbi-rä-*, где /rA/ отыменный глагольный суффикс (см. о нем [62, с. 141—142]). В киргизском *äpildä- < älpilda-* (= *älpil-l-dä < *älbi-l-dä-*) имеется другой отыменный глагольный суффикс /DA/ (о нем см. [62, с. 142—143]), но там основа **älbi* увеличена отыменным прилагательным суффиксом /l/ (о нем см. [33, с. 65, § 75]).

Вывод: в тюркских языках встречается слово *älbi*, которое в XI в. употреблялось в значении «(сыновняя) почтительность»; оно соответствует монгольскому *elbesün* = *elbe-sün* «то же». Источник обеих форм пока остается незасвидетельствованным.

ЛИТЕРАТУРА (дополнение)

59. Баскаков Н. А. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. С. 189.
60. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. I. Алма-Ата, 1959.
61. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893. Кн. 832.
62. Zajaczkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokarański ... Kraków, 1932.